

А.П. Фернандес-Эрес

«Заставить их полюбить эту жизнь...»:
Испанские детские дома в СССР
(1937–1939)

В статье рассматривается проблема социальной адаптации испанских детей, которые прибыли в СССР в результате Гражданской войны в Испании. Вскоре после эвакуации ряд детских домов был создан на территориях РСФСР и УССР. Автор исследует учебный процесс, занятия и другие аспекты жизни воспитанников. Советские власти так и не смогли обеспечить равные условия для всех испанских детей. Некоторые школы не были достаточно хорошо подготовлены для приема, не хватало учебных материалов, мест для занятий, профессиональных педагогов, одежды. Автор приходит к выводу, что создание системы домов спецназначения стало основным препятствием для полной ассимиляции маленьких испанцев в СССР.

Ключевые слова: социальная адаптация, детский дом для испанских детей, Наркомпрос, образование, Гражданская война в Испании.

В 1937–1939 гг. в Советском Союзе был создан целый ряд детских домов для испанских детей. Вся работа по размещению, хозяйственно-административному обслуживанию, воспитанию детей специальным постановлением СНК СССР от 16 сентября 1937 г. была возложена на Наркомпрос РСФСР и Наркомпрос УССР под личную ответственность наркомов¹.

Как следует из справки к Объединенному историческому фонду № А-307 Государственного архива Российской Федерации. в 1939 г. в стране было 10 детских домов на территории РСФСР. Еще 5 детдомов находились в УССР. В РСФСР детские дома в основном располагались под Москвой, в Ленинграде, на Украине – в Одессе, Харькове, Херсоне, Киеве. В Евпатории Крымской АССР был образован детский дом санаторного типа.

Помещения детских домов – типичная практика в те времена – были оборудованы на базе домов отдыха.

При Наркомпросе РСФСР руководство административно-хозяйственной и учебно-воспитательной работой детских домов осуществлялось через отдел домов спецназначения. В изданном Наркомпросом «Положении о детском доме для испанских детей» декларировалось, что детский дом осуществляет коммунистическое воспитание детей. В духе времени заявлялось, что детский дом ставит своей задачей воспитать энергичных строителей коммунистического общества, борцов против фашизма и борцов за свободную и независимую Испанию. На повестке дня стояли и такие цели, как сохранность здоровья детей, получение ими образования в объеме средней школы².

Особое внимание обращалось на знание языка. Согласно приказу народного комиссара просвещения РСФСР П.А. Тюркина «О работе детских домов для испанских детей», детские дома должны были обеспечить каждому испанскому ребенку знание литературного испанского языка и полное овладение русской устной и письменной речью³. Для испанских детских домов разрабатывались типовые правила внутреннего распорядка, нормы обмундирования и питания. Кроме того, планировалось составить программы по преподаванию русского как иностранного и испанского языков, организовать обмен опытом между персоналом испанских школ, широко развернуть трудовое воспитание детей, создать при детских домах учебные мастерские по обработке металлов и дерева⁴. Как покажет время, далеко не все положения приказа удалось воплотить в жизнь и некоторые указания остались только на бумаге или потом были негласно отменены.

Для контроля за распоряжениями Наркомпроса был разработан «Общий план работы инспектора отдела детдомов спецназначения», принятый в марте 1939 г. В нем говорилось, что основной обязанностью инспектора отдела является систематическая проверка выполнения работниками детских домов принципов коммунистического воспитания детей, постановлений партии и правительства о школе и детских учреждениях, указаний Наркомпроса по учебно-воспитательной работе, проверка состояния кадров, хозяйственной деятельности и делопроизводства⁵.

Организация школы для испанских детей являлась едва ли не самой сложной и трудной задачей. С самого начала работы испанских школ образовательный процесс был организован с учетом национальной и культурной принадлежности учащихся, в каждом детском доме работали испанские педагоги и воспитатели, предметы

проводились на родном для ребят языке. Трудности состояли не только в первоначальном отсутствии учебников, но и в недостатке квалифицированных педагогов, владеющих испанским языком, а также профессиональных переводчиков, которые могли бы переводить или сами давать эти уроки. Кроме того, оказалось, что школа Испании не имеет ничего общего со школой СССР. Программы в Советском Союзе были гораздо сложнее. Общеобразовательный уровень детей, среди которых наибольшую часть составляли дети бедных шахтеров, зачастую не соответствовали их возрасту. Маленьким эмигрантам, психологически травмированным ужасами войны, было непросто после пережитого всерьез заняться учебой.

Советские врачи не могли не отметить удручающего состояния здоровья испанских детей, которые прибыли в страну в тяжелом состоянии, говорилось, что среди них «много худеньких, бледных, простуженных, которых, естественно, как благоприятную почву, охватили привезенные ими инфекционные заболевания»⁶. Карантинный период, как правило, использовался не только для медицинского осмотра и санитарной обработки. Детям необходимо было привыкнуть к новой жизни. Целью ставилось отвлечение от тяжелых впечатлений войны, знакомство с коллективной жизнью детского дома, декларировалось, что главное – «заставить их полюбить эту жизнь, которая должна сейчас заменить им семью и сразу же помочь сознательно осваивать советскую действительность»⁷.

Отметим, что в советской терминологии того времени не было такого понятия, как «социальная адаптация» учащихся. Считалось, что для успешной интеграции детей в общество необходимо привить им дух коллективизма и веру в победу коммунизма, уважение к социалистической собственности, любовь к партии большевиков и ее вождям.

В первую очередь необходимо было организовать учебный процесс так, чтобы дети в полном объеме могли освоить учебную программу. Проблема заключалась в том, что многие из прибывших – мальчики и девочки от 9 до 14 лет – вообще никогда у себя на родине не посещали школу. Поэтому при комплектации классов приходилось учитывать не только возраст учащихся, но и уровень их знаний. На первых порах в классах находились дети самых разных возрастов. Так, по воспоминаниям Виртудес Мартинес, ее, в ту пору девятилетнюю девочку, включили в класс вместе с двенадцатилетней сестрой: «В нашем классе находилось от 18 до 20 учеников, около трети из них не умели ни читать, ни писать. Что же до нас с сестрой, то мы успели закончить первый класс школы»⁸.

Однако, как отмечает испанский историк Иммакулада Коломина Лимонеро, элементом гораздо более важным, чем образование, в советской идеологической системе было понятие «воспитание в коммунистическом духе»⁹.

Идеология Советского Союза была воспринята детьми испанских шахтеров достаточно быстро. Предполагалось, что дети должны хорошо ориентироваться в международной политической обстановке, поэтому с самого начала приезда старшие школьники уже изучали газетные сводки о положении на фронтах Испании, узнавали об истории Октябрьской революции и СССР. В Российском государственном архиве фондо документов сохранились радиовыступления школьников Х. Ариаса, А. Родригеса, Ж. Вальвальда. По словам ребят, в Советском Союзе они уже прожили 6 месяцев, успешно сдали экзамены и собирались ехать отдыхать в Одессу. В краткой речи ребята заявляют о том, что «с помощью СССР трудящиеся всего мира одержат победу», и о том, что испанские дети хотят учиться, чтобы впоследствии бороться с врагом «физически, интеллектуально и морально»¹⁰.

Вместе с тем, несмотря на то что власти в лице Наркомпроса прикладывали усилия, чтобы детские дома для испанских детей были образцово-показательными учреждениями, на деле все зачастую выходило далеко не так, как хотелось и как представляла пропаганда. Оказалось, что система не в состоянии обеспечить равные условия относительно материально-технической базы, воспитания и образования испанских детей. Где-то положение было хорошим, даже благополучным, где-то совсем плачевным.

Так, в отчете ЦК Союза работников дошкольных учреждений и детских домов «О состоянии детских домов для испанских детей», составленном по итогам обследования детдомов УССР и РСФСР в 1938–1939 гг., отмечалось, что здания бывших домов отдыха, санаториев не всегда приспособлены под детские учреждения и достаточны по кубатуре и площади. Так, детский дом № 1 (станция Правда) оказался «разбросан по ряду корпусов, бараклов, подсобных помещений», в детском доме № 2 (село Красновидово) «тесно в спальнях, нет игровых комнат, в первом корпусе осыпается штукатурка», в детдоме № 3 (Калужская обл.) «теснота, 8–9 градусов тепла, канализация, водопровод частично бездействуют», в детдоме № 9 (г. Ленинград) «не остается помещения для внешкольной кружковой работы и игр», а школа детского дома № 3 в Одессе оказалась «в плохо освещаемых, холодных дачах»¹¹.

Плачевное состояние детдома № 14, размещенного в городе Куйбышеве, описано в «Акте проверки санитарного состояния

детдома», составленном врачебной комиссией 25 октября 1939 г. Согласно этому документу, дети были размещены в двух деревянных бараках, в то время как основной каменный корпус находился на длительном ремонте. Комиссия отметила тесноту, грязные полы и умывальники, холодные уборные¹². В гораздо лучшем состоянии оказался детдом № 5 (станция Обнинское). Он въехал в новое здание, изначально предназначавшееся для лесной школы Наркомпроса. Там было достаточно классных комнат, спален, имелись зрительный и физкультурный залы, библиотека, электростанция, водонапорная башня, столовая для персонала, изолятор, помещение канцелярии, жилые дома для педагогов и разные постройки.

Штаты детских домов оказались сильно раздутыми, при этом возник дефицит квалифицированных кадров. Так, в детском доме № 1 (станция Правда) на 550 детей оказалось 300 человек обслуживающего персонала, при этом не хватало учителей. В детдоме № 3 (Калужская обл.) на 263 воспитанника приходилось 175 сотрудников детдома, из них только 35 воспитателей и преподавателей, в детдоме города Евпатории около 180 детей обслуживали 116 взрослых. В штатных расписаниях были должности поваров, кухонных работников, кочегаров, швей, прачек, пожарных, киномехаников. В детском доме № 5 (станция Обнинское) числился баянист, получающий, как и главный врач, зарплату 600 руб. в месяц.

В результате проверки детдомов РСФСР, УССР и Крымской АССР членами ЦК союза работников дошкольных учреждений и детских домов выяснилось, что питание воспитанников, несмотря на равное финансирование, не одинаково по качеству и количеству. Питание вкусное, разнообразное, обильное получали преимущественно воспитанники Москвы и Ленинграда. В то же самое время в детдоме № 2 (село Красновидово), «готовят невкусно, кушанья однообразны, нет диетического питания»¹³. В детдоме № 3 (Калужская обл.), питание воспитанников было плохо организовано, с маленькими порциями. В этом детдоме старшие воспитанники жаловались на недоедание. Некачественными оказались блюда в детдоме города Киева, в результате чего дети часто отказывались от обеда, не радовало разнообразием меню воспитанников херсонского детдома, где ежедневно в обед и ужин готовились некачественные котлеты, а в детдоме города Евпатории однажды в компоте была обнаружена иглолка. Разное по качеству питание воспитанников разных детских домов при одинаковом финансировании объяснялось прежде всего отсутствием продуктовых норм питания для испанских детдомов и ненадлежащим контролем.

Снабжение детдомов спецназначения одеждой, обувью, инвентарем в разных регионах страны оказалось диаметрально противоположным. Если детдома Москвы, Ленинграда, Киева были снабжены всем необходимым, включая 5–6 смен белья, костюмами, платьями, обувью, то в детдоме № 2 (село Красновидово) в спальнях были обнаружены рваные матрацы, а также зафиксирована нехватка теплой одежды, в детдоме № 3 (Калужская обл.) детей застали в грязных, порванных костюмах, без пуговиц. Недостаток одежды и обуви был обнаружен и в херсонском детском доме. Предназначавшиеся для воспитанников 5 тыс. метров мануфактуры в одесских детских домах № 2 и № 3 были проданы сотрудникам учреждения. В детском доме г. Евпатории воспитанники были «одеты неряшливо, частично грязно, особенно дошкольники»¹⁴.

Только в половине учреждений имелись соответствующие изоляторы, квалифицированный медперсонал, санитарный надзор за питанием и помещениями. В остальных санитарное состояние, согласно выводам комиссии ЦК Союза работников дошкольных учреждений и детских домов, оказалось плачевным. Так, выяснилось, что в детдоме № 2 (село Красновидово) врач не контролирует питание, не добивается более частой смены белья у детей, в детдоме № 3 (Калужская обл.) «дети не стрижены, не причесаны, меняют белье раз в декаду», в детдоме № 2 (г. Одесса) была обнаружена грязь в столовой, медкарты были составлены только на 16 из 148 воспитанников, «изолятор и амбулатория не соответствуют назначению»¹⁵.

Представители ЦК Союза работников дошкольных учреждений и детских домов отмечали и недостатки воспитательной работы в испанских детских домах. Так, «сигналы неблагоприятной воспитательной работы» впервые были получены из Украины. Подверглись критике плохая дисциплина, отсутствие самообслуживания, большое количество неквалифицированных преподавателей, отсутствие рабочих планов у учителей. В связи с этим президиум ЦК Союза работников дошкольных учреждений и детских домов 17 августа 1938 г. обязал Одесское облоно и директоров одесских детдомов № 2 и № 3 укрепить педколлективы профессиональными кадрами. Предлагалось организовать семинар для повышения квалификации воспитателей и пионервожатых, а также специальные курсы для учебы испанок-воспитательниц. Однако это решение ЦК Союза выполнено не было, что выяснилось во время повторной проверки. Отмечалось, что работники аппарата Наркомпроса Украины не только не участвовали и не помогали в обследовании детских домов

представителями ВЦСПС и ЦК Союза, но встретили их крайне недружелюбно, назвав их обследования «партизанскими»¹⁶.

В целом по детдомам Украинской ССР вскрылись такие факты, как оскорбление детьми обслуживающего персонала в детдоме г. Киева, курение мальчиков, прогулы уроков в детдоме г. Херсона, сон в верхней одежде детей в детдоме № 3 г. Одессы. Отмечалась и слабая подготовка кадров. В детдоме № 2 (г. Одесса) только один воспитатель имел педагогическое образование, а в детдоме № 3 большинство воспитателей и пионервожатых не имели даже законченного среднего образования.

На хорошем счету оказался детдом № 5 (станция Обнинское). К услугам ребят было около 20 кружков, библиотека-читальня, работали секции по футболу, волейболу, акробатике, лыжам, конькам, спортивной гимнастике. Однако при более детальном знакомстве даже этот образцово-показательный детдом не избежал критики. В докладной записке «О состоянии детского дома № 5 для испанских детей» от 15 января 1939 г. сообщалось, что кружки авиамodelьный и конструкторский не могут удовлетворить детей, так как они застыли на низком уровне и дети их посещают все меньше и меньше. Вместе с тем отмечалось, что режим детей оказался перегружен массовыми и зрелищными мероприятиями, а работники детдома живут вчерашним днем торжественных встреч детей героической Испании: «Слишком много праздничной, парадной шумихи, а в каникулы так загружали детей разными зрелищами, что некоторые дети говорят: “Когда же кончатся каникулы”. При моем присутствии из Москвы приезжала на 2 дня балетная школа Большого театра... На два дня приезжал железнодорожный джаз-ансамбль Дунаевского... В конце каникул намечены массовые выезды детей в Москву с торжественными заседаниями и ужинами...»¹⁷

Педагогическая работа в испанских детдомах критиковалась за недостаточное трудовое воспитание, плохие навыки самообслуживания у воспитанников: «Поставленные в хорошие материальные условия и имея огромный штат обслуживающего персонала, дети могут воспитаться барчуками, т. е. в духе, противном задачам нашей советской педагогики. Недаром они, дети испанских рабочих и крестьян, забывают пришивать пуговицы, небрежно относятся к вещам, летом, говорят, десятками пускали по реке сандалии, били стекла, ломали и коверкали мебель»¹⁸.

В первый год после приезда испанских детей остро стоял вопрос о воспитательной работе с учетом национальной принадлежности учащихся. Отмечалось, что во многих детских домах

в программы внесены только русские революционные песни, изучение биографий вождей партии и героев Советского Союза, книг на испанском языке было очень мало. В результате, в некоторых детдомах дети начали забывать испанский язык.

Исключение составили детдома Ленинграда, где были организованы кружки по изучению испанского языка для учителей и воспитателей, в библиотеке оказалась хорошая подборка книг на испанском языке, на стенах висели портреты лидеров Коммунистической партии Испании – Хосе Диаса и Долорес Ибаррури.

Так как в детдомах учеба велась на обоих языках, то учителя-иностранцы сыграли важную роль в осуществлении педагогического процесса. К числу недостатков относились небольшой педагогический стаж многих испанских педагогов, а также отношение к их текущей работе с детьми как к временной. Испанские учителя и воспитатели критиковались за то, что не знали реалий Советского Союза, плохо ориентировались в политической обстановке, почти не участвовали в общественной жизни педколлективов. Вскоре многих испанских сотрудников детдомов стали отстранять от работы. Как отмечает историк А.В. Елпатьевский, принадлежность к Коммунистической партии Испании не играла определяющей роли. Отсеивались как не имеющие образования или педагогического опыта, так «не так себя ведущие» морально и в быту коммунисты¹⁹.

Итак, на первом довоенном этапе пребывания детей в СССР советская образовательная система не ставила задачу ассимиляции и включения детей в советское общество. Детей готовили к жизни в Испании и прививали им коммунистические ценности, но не избежали недостатков, в целом свойственных системе. Больше всего подвергались критике учреждения, находившиеся на территории УССР, хозяйственная и воспитательная работа которых вследствие слабой квалификации педагогических кадров и бесхозяйственности была признана неудовлетворительной.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 495. Л. 67.

² Там же. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5987. Л. 1.

³ Там же. Д. 5986. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Д. 5996. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 6001. Л. 3об.

- ⁷ Там же. Л. 1.
- ⁸ *Martinez V.A.* La Espanola rusa. Madrid, 2011. P. 22.
- ⁹ *Limonero I.C.* Dos patrias, tres mil destinos. Madrid, 2010. P. 26.
- ¹⁰ РГАФД. Ф. 1. Оп. 16 т/ф. Арх. № НР-169.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2959. Л. 1.
- ¹² Там же. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 334. Л. 1.
- ¹³ Там же. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2959. Л. 4.
- ¹⁴ Там же. Л. 5.
- ¹⁵ Там же. Л. 6.
- ¹⁶ Там же. Л. 8.
- ¹⁷ Там же. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 226. Л. 6.
- ¹⁸ Там же. Л. 5об.
- ¹⁹ *Елпатьевский А.В.* Испанская эмиграция в СССР: Историография и источники, попытка интерпретации. Тверь, 2002. С. 158.